

Хан и мудрец / Кавказская легенда

Category: Ertekiler, Kitapcy

написано kitapcy | 24 января, 2025

Хан и мудрец / Кавказская легенда ХАН И МУДРЕЦ

Это было в далекие-далекие времена, когда и Машук и Бештау, и весь этот край вплоть до дальних снеговых кряжей принадлежали хану Аббасу.

Был Аббас стар и силен, храбр и мудр.

И все Аббаса уважали, потому что все Аббаса боялись. Занимался Аббас тем, чем занимались все в те времена. Единственным благородным занятием: воевал с соседями. В свободное от войны время – охотился. А в свободное от охоты время – предавался мудрости. Ханская ставка была полна мудрецами. Только мудрецы-то не были мудры. И вся мудрость мудрецов состояла в том, что они умели хану угождать. И все племя молило аллаха: – Пошли, аллах, Аббасу мудрых мудрецов. Однажды под вечер поехал Аббас верхом без провожатых в горы полюбоваться, как дрожат и умирают на вершинах розовые лучи заката, а из ущелий поднимается черная ночь.

Доехал Аббас до того места, где словно облитые кровью лезут из земли огромные красные камни.

Соскочил с лошади старый Аббас и, словно юноша, взбежал на самую высокую скалу.

На скале за выступом сидел старый мулла Сефардин. Увидал Аббаса – встал и поклонился.

– Здравствуй, мудрец! – сказал Аббас.

– Здравствуй, хан! – отвечал Сефардин. И, уступая свое место, добавил: – Место власти!

– Место мудрости! – ответил хан и предложил Сефардину садиться:

– Тот, кто приветствует мудрость, приветствует славу Аллаха!

– Тот, кто приветствует власть, приветствует веление неба! – отвечал Сефардин. И они сели рядом.

Перед ними вдали, за горными хребтами, словно две белые паахи, сверкали на солнце две главы Эльбруса.

Солнце спускалось ниже и ниже к горам. По белым вершинам потянулись голубые тени.

Лучи заката стали розовыми, и, словно две горы роз, загорелись вершины Эльбруса.

– Что ты тут делаешь, мудрец? – спросил Аббас.

– Читайте! – ответил Сефардин.

И так как Аббас с удивлением взглянул на пустые руки Сефардяна, –

Сефардин улыбнулся и показал рукою кругом:

– Самую мудрую из книг. Книгу Аллаха. Аллах написал горами по земле. Видишь, Аллах написал извилинами реки по долине. Аллах написал цветами по траве и звездами на небе. День и ночь можно читать эту книгу. Книгу, в которой Аллах написал свою волю.

– Пусть будет благословен пророк, что в свободный час послал мне мудрого для беседы! – сказал Аббас, касаясь рукой чела и сердца. –

Ответь мне на три вопроса, мудрец!

– Постарайся задать вопросы, над которыми стоило бы подумать, – отвечал Сефардин, – а я постараюсь на них ответить, если смогу.

– Люди рождаются и умирают! – сказал Аббас. – Зачем они живут? Я часто спрашивал об этом своих мудрецов. Один говорит: «Для счастья!»

Но есть и несчастные на свете. Другой говорит мне: «Для славы!» Но позора на свете больше, чем славы. Разве можно жить, не зная, зачем люди живут? Сефардин пожал плечами:

– Однажды ты, великий хан, послал гонца к соседнему хану Ибрагиму. Дал ему письмо, как следует перевязав шелковым шнурком и припечатав своим перстнем. И велел гонцу: «Не останавливаясь, лети к хану Ибрагиму и отдай ему это письмо». Дело было под ночь. Полетел гонец через скалы, через ущелья, по таким тропинкам, по которым и туру проскакать только днем. Ветер горный, ледяной, свистал ему в уши, рвал на нем одежду. И ни на мгновение ока нельзя было выпустить лука из рук, – вдруг выскочат разбойники. И на каждый куст надо было смотреть

в оба: не сидит ли засада. И спросил себя гонец: «Хотел бы я знать, что ж такое пишет хан Аббас хану Ибрагиму, что заставляет ночью, в стужу, среди опасностей лететь над пропастями человека?» Остановился гонец, разжег огонь, сломал твою ханскую печать, разорвал шелковый шнурок и прочел письмо. Что теперь было делать гонцу? К хану Ибрагиму нельзя привезти прочитанного письма без шнурка и без печати. И к тебе вернуться нельзя: как мог сломать печать и открыть письмо. Да еще вдобавок, – рассмеялся Сефардин, – прочитав письмо, гонец в нем ничего не понял. Потому что писал ты, хан, Ибрагиму о ваших с ним делах, гонцу совсем неизвестных. Дал тебе аллах жизнь нести, – неси. Аллах умнее самых мудрых. Он знает – зачем. А мы, если бы и узнали, может, все равно не поняли бы. Это дело аллаха.

– Хорошо! – сказал Аббас. – Преклонимся пред волей аллаха! Но я, хан, живу, – и последний погонщик ослов тоже живет. Надо жить. Пусть будет так. Но кем же надо жить?

– Был на свете, – ответил Сефардин, – один такой же мудрый и благочестивый человек, как ты. И молил он аллаха: «Сделай меня, премудрый, таким существом, чтоб никому я не мог принести зла, самой маленькой букашке». Услышал его молитву аллах и сделал благочестивого человека муравьем. Ушел муравей в лес, очень довольный: «Теперь-то уж я никому не могу принести вреда». И стал жить. Только в первый же день около самого муравейника, где поселился муравей, волк нагнал испуганную козочку и стал драть. И есть-то волку не хотелось, – так, просто волчья природа: не может видеть животного, чтобы не задрать. А козочка умирала в мучениях под его зубами и когтями, и крупные слезы лились из ее огромных, печальных и страдальческих глаз. Страшны были ее мучения. А муравей должен был смотреть на все это. Что он мог сделать? Взлезть на волка и укусить? И думал муравей: «Был бы я львом

– бросился бы на волка и не дал бы ему терзать козочки. Зачем я не лев?» Кем лучше быть, Аббас?

– Послушай, – воскликнул хан, – как усталый путник из кристального горного ключа, пью я слова твоей мудрости. Ведь мы были когда-то дружны!

– Были! – отвечал Сефардин с печальной улыбкой.

– Так почему же теперь не доходят до меня лучи твоей мудрости? И окружен я какими-то невеждами, которые только сами себя зовут мудрыми?!

– Зайдем за этот камень, – сказал Сефардин, – я отвечу тебе на твой третий вопрос. Они зашли за камень.

– Теперь сядем и полюбуемся на Эльбрус, – сказал Сефардин.

– Как же любоваться, когда его теперь не видно? – с изумлением воскликнул Аббас.

– Как не видно?

– Из-за камня не видно.

– Из-за камня? ... Эльбруса?

Сефардин рассмеялся и покачал головой:

– Эльбрус такой огромный. А камень что в сравнении с Эльбрусом?

Разве только сам себя может считать горю! И из-за него не видно Эльбруса! А Эльбрус теперь должен быть очень красив! Правда, хан, досадно на камень, что он закрывает от нас Эльбрус?

– Конечно, досадно! – согласился хан.

– Чего же ты сердись на камень, – улыбнулся Сефардин, – когда ты сам за него зашел? Кто тебе велел? Сам своей волей зашел за камень, а на него сердись, что не видишь Эльбруса!

По лицу хана пошли сердитые тучи.

– Ты дерзок, – сказал он. – А не боишься ты, что я и разгневаться могу на такую мудрость? Мулла покачал головой:

– Рассердись на воздух. Что будет толку? Разгневайся на воду. Что ты ей сделаешь? Рассердись на землю. Точно так же сердиться и на мудрость. Мудрость разлита Аллахом на земле!

Хан улыбнулся.

– Спасибо, старик!

И они вместе сошли со скал.

Сефардин поддержал стремя, Аббас вскочил на коня.

– А если мне захочется посмотреть Эльбрус и послушать истинную мудрость? – спросил хан.

– Тогда выйди из-за камней, за которые сам зашел! – сказал Сефардин.

Хан тронул коня и весело крикнул мулле:

– Так, значит, до свиданья, мудрец!

А Сефардин печально ответил ему:

– Прощай, хан!

Влас ДОРОШЕВИЧ. Ertekiler